

— Ещё до приезда Сашеньки в нашей 50-й комнате было весёлое сборище - 23 ноября отмечали мой день рождения, 22 года исполнилось. Гостями были Ольга Дубатовка и Светка Силина из нашей группы, всю "базлали" под гитару, Володька Кудряшов, Славка Борисов, Славка Сазанов и Сашка Шабров, в последний раз перед долгим перерывом.

Кудряшов, Шабров, Борисов, Сазанов, Ольга Дубатовка и Света Силина на моём дне рождения 23 ноября 1965 года

— А с нового, теперь уже 1966-го года, меня переселили из этой комнаты, так как Сашенька уже не числилась в университете, и я терял права на семейную комнату. Конечно, если бы Сашенька не уехала в Тейково, нас бы так просто не выселили, но мы и не собирались биться за эту комнату, рассчитывая найти для жилья с ребёнком что-нибудь попримечательнее в частном секторе. Но это планировалось где-то к весне, а пока я перебрался в 152-ю комнату на шестом этаже, рядом с кухней, где Сашенька залепила мне блином глаз, и комнатами 148 и 150, где я жил на младших курсах, но то были пятиместки, теперь же я, как старшекурсник, был поселён в двухместную комнату вместе с пучеглазым Димой Стыро, заканчивавшим аспирантуру на кафедре физики атмосферы у Кондратьева, сыном вильнюсского профессора физики Болеслава Стыро.

— Последнюю зимнюю сессию я сдал на пятёрки и отправился в Тейково навестить Сашеньку с Иринкой. Дочке было уже полгода, она стала весёлой толстушкой, днём не капризничала, а вот перед ночным сном требовала, чтобы её укачивали в коляске, чем я там и занимался. К этому периоду относятся первые Иринкины фотографии. С тестем и Вовкой - Сашенькиным братом ездили кататься на лыжах по красивым окрестным лесам; дни стояли морозные, но очень солнечные, погода чудесная; отличная, накатанная лыжня, пушистый снег со следами зайцев и прочих зверушек - красота!

Сашенька и я с Иринкой в Тейково в январе 1966 г.

Учёба на последних курсах шла очень легко, читали нам, в основном, спецкурсы на кафедре. Борис Евгеньевич Брюнелли (Б.Е. - как называл его Слава Ляцкий, и как потом за глаза стали называть его и мы с Димой) читал нам курс аэрномии, в который входили основы физики плазмы, физики атмосферы, Солнца, ионосферы, включая основы ионосферного распространения радиоволн, и магнитосферы. Читал он прекрасно, хоть и быстро, так как по объёму лекции были очень насыщены, но чёткость, ясность, физичность изложения, аккуратность в выводе формул и в их написании на доске, наглядные рисунки, схемы и графики, свободно и красиво рисовавшиеся разноцветными мелками, - делали этот сложный курс понятным и увлекательным.

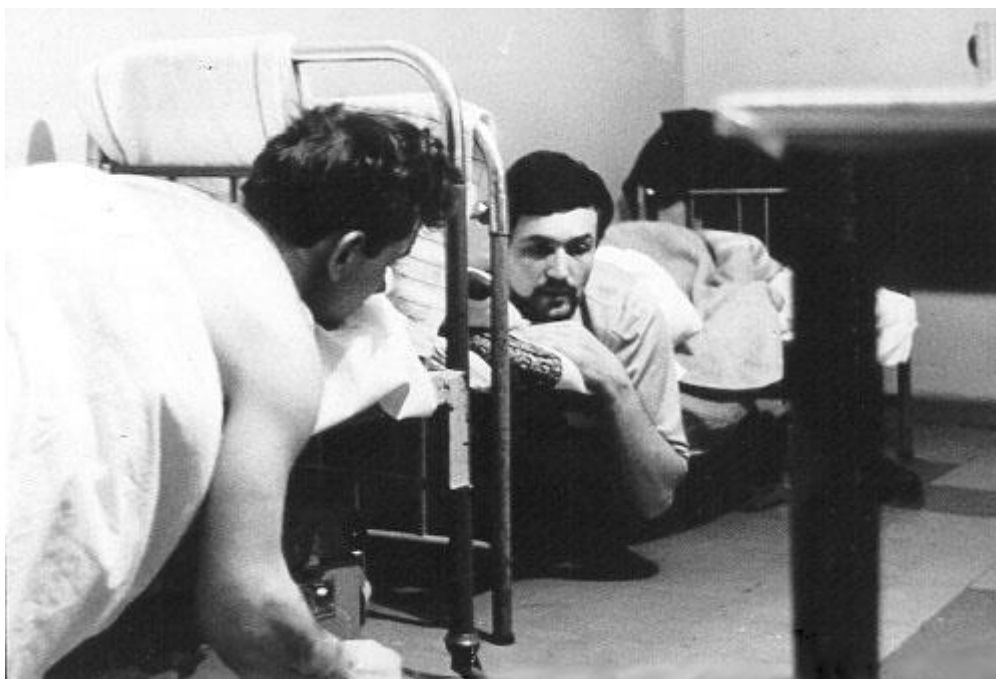
Лекции Б.Е. нравились всем в нашей группе, и на них всегда была почти 100 %-ная посещаемость, тем более что учебников по аэрномии не было никаких, это была новая наука, зародившаяся, быть может, и давно, но начавшая бурно развиваться менее десяти лет тому назад - с периода Международного Геофизического Года (МГГ, 1957-1958 г.г.), и надеяться при подготовке и сдаче экзамена кроме как на собственные конспекты было не на что. Мои конспекты, несмотря на сознательно ухудшенный почерк, были лучшими и служили перед экзаменом всей нашей группе в качестве основного материала для

подготовки.

— На лекциях я старался не только всё подробно записать, но и понять излагаемое, задавал вопросы, на которые Б.Е. охотно отвечал. Эта моя активность и хорошая, в смысле на "отлично", сдача экзамена, по-видимому, и положила начало или закрепила благосклонность Б.Е. ко мне (я ведь ещё и курсовую у него делал), переросшую потом в отношения весьма близкие, со взаимной симпатией, длящиеся и по его пору, хотя и осложнявшиеся в отдельные периоды. А курс лекций Б.Е. явился для меня фундаментом всех моих будущих специальных знаний, к нему я часто потом обращался и для научной своей работы, и обучая студентов.

— В отсутствие Сашеньки свободное время по вечерам я проводил в общежитии за преферансом, которым в то время был очень увлечён и в котором достиг приличного уровня мастерства, требующего гармоничного сочетания риска и расчёта. Моими постоянными компаньонами были однокурсники: Спартак Баженов, щуплый парнишка с хитроватыми, бегающими глазками, не жулик, хотя и выглядит им; его сосед по комнате Женька Еременко, рослый сухой парень с переломанным прямым носом, похожий на гладиатора, вот кому бы подошло имя - Спартак; и прелесть Славка Борисов со своими шуточками. Играли мы, как положено, на деньги, но в спокойную систему - "ленинградку" и не по крупному: выигрыши-проигрыши составляли чаще всего около рубля за партию, но бывали и залёты, разумеется, - Славка как-то под червонец просадил. Однажды мы просидели за картами 18 часов подряд (начав вечером) с коротким перерывом (утром) на буфет.

— Однако в общежитие я приходил обычно довольно поздно, часам к девяти вечера, а всё остальное время проводил на кафедре, которая не закрывалась до полуночи, в общении с Димой Ивлиевым и Славой Ляцким, которые на несколько последующих лет стали моими ближайшими друзьями. Политика, литература и кино были основными предметами наших обсуждений и споров, не считая, конечно, кафедральных сплетен и анекдотов, по преимуществу политических, - тогда они ещё не переводились, и в них находило отражение практически любое явление общественной жизни страны.

Дима Ивлиев в Лопарской (слева Слава Сазанов)

— Дима и Слава были очень разными людьми, которые, хотя и не избегали друг друга, а временами даже искали общения, в сущности своей таили непримиримые расхождения, которые то проявлялись, то вроде бы затухали. Они и внешне, при сходных чертах и одинаковой комплекции, резко контрастировали: фигура Славика выглядела угловатой, тёмные волосы топорщились ершом, кривая улыбка, Дима же более чётен, строен, тонок, резкие правильные черты лица, в манерах есть что-то женственное.

— Славик производил впечатление человека более аналитичного, несомненно талантливого в части физики, в любых вопросах радикального и до нахальности самоуверенного, принципиального до смешного и бравирующего всеми этими качествами. Дима же в науке (а тогда, точнее сказать, в учёбе) не блистал, научным энтузиазмом, как Славик, не горел, но был очень широко эрудирован (по крайней мере, начитан) в вопросах литературы, истории, философии, живописи, музыки, в общем, всего того, что составляет понятие культура, но не выпячивал этого и спорил всегда очень корректно. Склад ума его был скорее синтетический, интуитивный, преобладало эмоциональное восприятие мира, но и аналитическое мышление вовсе не было ему чуждо. Короче, он был тонкая натура, хотя и Славик в известной мере претендовал на тонкость. В интересах и увлечениях Славы преобладал социальный аспект, в Диминых - личный. Чувства юмора же и ехидства им обоим было не занимать.

— Уступая каждому из них в перечисленных качествах, я испытывал влечение и к тому, и к другому, а тем самым, возможно, в какой-то степени притягивал их друг к другу, будучи неким буфером. Едины мы все трое были в своём радикальном критицизме по отношению к существующему строю. Этот критицизм, собственно, и сблизил нас ещё в экспедиции 1963 года.

[\(продолжение следует\)](#)